

Е. Г. Задворная, О. С. Рыбчинская (МГЛУ, Минск, Беларусь)

КОМБИНИРОВАННЫЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Метакоммуникативные речевые действия, или *метакоммуникативные речевые ходы* (далее – МКХ), играют существенную роль в организации коммуникативного взаимодействия и отличаются впечатляющим разнообразием. Не случайно построение их классификации традиционно представляет собой одну из наиболее сложных задач в этой области, решение которой приводит к неоднозначным и неединообразным результатам. Так, в современной лингвопрагматике представлены типологии МКХ, включающие от трех до более чем тридцати их разновидностей, выделяемых на основании широкого диапазона критериев, и получены интересные данные об особенностях их функционирования в различных коммуникативных сферах (особенно в разговорной, политической и интернет-коммуникации, см., например, коллективную монографию [1], а также работы [2; 3; 4; 5; 6; 7] и мн. др.). При этом важно отметить, что одним из наименее изученных аспектов функционирования МКХ являются, условно говоря, их сочетаемостные характеристики, т.е. тенденции комбинирования МКХ в рамках одного коммуникативного фрагмента.

Необходимо сразу подчеркнуть, что тенденции комбинированного употребления МКХ существенно зависят от типа диалога, в котором они функционируют. Так, например, для обыденно-разговорного диалога использование более или менее сложных комбинаций МКХ в принципе нехарактерно: спонтанность, непринужденность, минимальная комму-

никативная дистанция, режим дробного реплицирования, присущие устному диалогическому взаимодействию, предполагает скорее упрощенный формат использования МКХ, ср. характерный диалогический фрагмент, практически полностью состоящий из МКХ, не образующих при этом комбинаций в рамках одной реплики:

(1) – *Что с тобой?* – спросила жена.

– *Тебе сказать правду или соврать?*

– *Правду, – не думая сказала жена.*

– *А может, не стоит?* – предупредил он.

– *Я жду.* <...>

– *Почему ты молчишь?*

– *А что я должен сказать?* (В. Токарева «Груда камней голубых»).

Несколько иначе МКХ функционируют в институциональном (в частности, научном) диалоге, где реплицирование носит укрупненный характер, а участники не только более развернуто и обстоятельно фиксируют содержательную сторону своих позиций, но и более подробно и тщательно комментируют свое речевое поведение и речевое поведение собеседника (собеседников). В силу этого для институционального диалога характерна тенденция к комбинированному употреблению МКХ, т. е. использованию двух, трех и даже более метакоммуникативных конструкций в рамках одной реплики, что приводит к порождению своеобразных метакоммуникативных минитекстов, ср. показательный фрагмент из научной дискуссии¹:

(2) *А: Прошу прощения за такой чрезмерно длинный ответ, я, можно сказать, излил душу, рассказал откровенно, откуда что берется. И в то же время рассказал кратко, потому что работа длилась восемь лет* (здесь и далее в начале реплики указывается коммуникативная роль участника научного диалога: А – аргументатор, который в полемической и/или вопросно-ответной части диалога, как правило, выполняет роль отвечающего; О – оппонент, или, соответственно, спрашивающий; М – медиатор).

В приведенном небольшом фрагменте мы наблюдаем высокую концентрацию МКХ разных типов: в нем представлены, во-первых, два МКХ, комментирующих количественные параметры коммуникации: а) *длинный ответ*, б) *рассказал кратко*); во-вторых, МКХ, ориентированный на параметр качества (*рассказал откровенно*); в-третьих, фиксируются метакоммуникативные конструкции речэтикетного и эмоционального типов (*прошу прощения, излил душу*). Кроме того, необходимо отметить, что сами эти компоненты носят полифункциональный характер и вступают между собой в разнообразные отношения. Так, компонент ‘чрезмерно длинный ответ’, фиксируя количественный аспект коммуникации, одновременно благодаря наличию интенсификатора *чрезмерно* выполняет и оценочную функцию, компонент ‘излил душу’ одновременно и представляет собой эмоциональный

¹ Материалом для анализа послужили размещенные на сайте polit.ru стенограммы публичных лекций, прочитанные ведущими российскими учеными, и их обсуждений.

комментарий, и выполняет роль мотивировочного компонента, объясняющего избыточную (с точки зрения говорящего) развернутость комментируемой реплики.

Аналогичную по степени сложности ситуацию можно наблюдать и в следующих фрагментах научных дискуссий, которые отличаются не только высокой степенью насыщенности МКХ, но и выраженной семантико-прагматической вариативностью (в плане возможности включения в подобные метакоммуникативные мини-тексты ходов самых разных типов), ср.:

(3) *Вопрос напоследок, может быть, идиотский. Я хочу утрировать, чтобы лучше понять... Правильно ли я понял, что...* (оценка последующего интеррогатива; мотивировочный компонент; МКХ, направленный на мониторинг понимания);

(4) *Мы сильно перевалили за девять. Поэтому оставшимся предлагаю все формулировать коротко и в виде не вопросов, а в виде отношения к происходящему* (комментарий темпоральной координаты коммуникативной ситуации (одновременно выступает в роли мотивировочного компонента); МКХ, ориентированный на количественные параметры; МКХ, определяющий иллюкативные характеристики потенциальных речевых действий).

Приведенные наблюдения побуждают задуматься о тех факторах коммуникативно-прагматического контекста, которые способны обуславливать подобное повышение метакоммуникативной плотности на тех или иных участках диалога. Как представляется, в роли таких факторов могут выступать следующие особенности институционального диалога.

1. Тип коммуникативного действия, получающего усложненное метакоммуникативное сопровождение.

В принципе достаточно развернутыми метакоммуникативными комментариями может сопровождаться любое речевое действие (утверждение, выражение согласия, выражение несогласия, уточнение и т. д.), но, по нашим наблюдениям, наиболее типичны такие развернутые комментарии для вопросительных речевых действий (об интеррогативности научного дискурса см. подробнее [8]). Именно экспликация вопросов устойчиво сопровождается в научном диалоге разнообразными комментариями мотивировочного, оценочного, организующего и др. типов, зачастую представленными в комбинациях с другими МКХ:

(5) *О: Не хочу углубляться в детали этой темы, она, я уверен, вам хорошо известна. Если такой вопрос Вам понятен без детализации, как концептуальный, я был бы благодарен за ответ.*

А: Вопрос очень серьезный и важный. Я постараюсь коротко сказать, что я думаю. Вы отчасти, конечно, правы;

(6) *М: ... я бы начал с ряда своих уточняющих вопросов. Первым делом я бы все-таки спросил: что такое мода? То есть в каком именно смысле мы сегодня с этим понятием работали? Или в каких смыслах. Просто потом уже можно будет говорить о чем-то следующем.*

А: Я вначале имел наглость отослать к своей книжке на эту тему. Чтобы ответить на ваш вопрос, я должен был бы сейчас кратко изложить ее содержание; но не пугайтесь, я этого делать не собираюсь;

(7) У меня два вопроса. Я боюсь занять ваше внимание, но они для меня очень животрепещущи, поскольку связаны с моей нынешней работой. Один – как к индоевропеисту, другой – как к культурологу, наверное. Первый вопрос. Я постараюсь передать его в телеграфном стиле, Вы сразу поймете, о чем речь;

(8) Это действительно интересный вопрос. Постараюсь очень коротко сказать об этом. Действительно, надо было бы об этом прочитать целую лекцию, но я, думая, о чем сегодня сказать, старался говорить больше на темы, прямо связанные с настоящим, меньше говорить о прошлом, хотя сам, может быть, больше времени в своей жизни занимался вопросами реконструкции прошлого.

2. Локализация в диалоге.

Сложные комбинации МКХ, как правило, тяготеют к инициальным и финальным фрагментам выступлений и/или реплик. Основная, содержательная часть текста/реплики также может включать МКХ различных видов, но такие МКХ обычно носят изолированный характер, т.е. не образуют комбинаций и метакоммуникативных мини-текстов.

Что же касается вступительных и завершающих фрагментов текстов и реплик, то их коммуникативно-прагматические особенности предсказуемо и закономерно предоставляют широкий простор для использования таких комбинаций. Именно в этих фрагментах коммуниканты активно реализуют такие прагматические задачи, как контактоустановление с аудиторией, комментарии собственного коммуникативно-эпистемического стиля, тематическая проспекция и т.п., что очевидным образом мотивирует высокую насыщенность данных фрагментов разнообразными МКХ, см. следующие варианты зачинов публичных лекций:

(9) Спасибо большое, что пригласили меня сюда, мне очень лестно здесь выступить после всех тех лекций, которые здесь прошли и вывешены на сайте «Полит.ру». Я выскажу несколько тезисов о науке, о том, как я ее вижу, и о ситуации в постсоветской науке. Заранее хочу попросить извинения, я, вообще-то, институциональный историк науки, социолог науки, и мой основной жанр – это рассказывание исторических баек. Я мог бы долго рассказывать байки по поводу того, как была устроена наука или высшее образование в разные времена и в разных странах, но я по возможности постараюсь от этого воздержаться, чтобы не впасть в историю. Потом, если надо будет, я любой из своих тезисов проиллюстрирую примерами.

(10) Я рискую предложить вам тему «о неизбежности происхождения человеческого языка». Тема, надо сказать, очень животрепещущая, почти как «есть ли жизнь на Марсе?» – проверить никто не может, но всем интересно знать. Человеку вообще свойственно стремление узнать причину

всего сущего. И это стремление сыграло весьма важную роль, в том числе и в происхождении языка. Я рискую выступить перед вами с такой темой, потому что за последние годы обсуждение ее вышло, в общем, на вполне научный уровень. Уже накоплено огромное количество данных в самых разных науках: и в генетике, и в антропологии, и в этологии, и в когнитивной науке – так что теперь невозможно построить безответственную «сказочную» гипотезу, потому что такая гипотеза неминуемо разобьется о какие-то факты. И это хорошо. Сразу оговорюсь, что обзреть все гипотезы мне будет не под силу. Поэтому если про какую-то интересную вам гипотезу я ничего не скажу – просто потому что не успею, – то у вас будет возможность задать мне вопрос после лекции.

Несколько иными, но также весьма «сложносочиненными» оказываются комбинации МКХ в финальной части выступлений, где обычно эксплицируются тематические и количественные МКХ, ср.:

(11) Я думаю, что на этом я основную часть закончу. О каких-то узловых моментах рассказано, но даже до самой приблизительной полноты еще очень далеко. Я не только не исчерпал тему, но и остался, по существу, в самом начале пути. Но, надеюсь, вы поняли, сколь сложна эта материя, и что требует она не одного часа для рассказа. Поэтому, пожалуйста, спрашиваете, возможно, некоторые вынужденные лакуны в моем рассказе удастся заполнить, отвечая на вопросы. Спасибо;

(12) Мне очень нравится, что я немножко раздражил живой интерес аудитории. Я как раз к этому и стремился. Но тема очень широка. Её нужно дробить и обсуждать по кускам. Я бы с удовольствием когда-нибудь в этом принял участие, если у вас будет охота.

Та же тенденция наблюдается и на локальном уровне, т.е. на уровне отдельных реплик (разумеется, применительно к комбинациям МКХ речь идет о достаточно протяженных репликах, состоящих из нескольких высказываний):

(13) Прежде всего, я хотел бы поблагодарить докладчика за изящные новеллы в области теоретического науковедения. Но, поскольку я читаю курс социологии политического процесса в современной России, вопрос будет чисто конкретный. Есть такой тезис: общество программирует свое будущее в виде системы образования. Возможно, Даниил Александрович не склонен его разделить. Но в том случае, если вы склонны его разделить, я хотел бы попросить вас прокомментировать связь или ее отсутствие между неблагополучием современной России (которое хотя бы фиксируется в многочисленных социологических опросах) и уровнем, состоянием, я бы даже сказал – достижениями советской науки. Скажем, в области космоса, авиации, атомной энергетики в ее оборонной и гражданской ипостасях, итудчные Нобелевские премии (Лазарев и пр.). Заранее признателен.

3. Степень кооперативности.

Интересно, что «сгущение» МКХ зачастую наблюдается на тех участках диалога, где участники ведут себя подчеркнуто кооперативно либо, напротив, некооперативно (но не в зонах нейтрального, стандартно-вежли-

вого обсуждения научных проблем). Контексты первого типа уже обсуждались выше; что же касается контекстов второго, некооперативного типа, то показательными иллюстрациями могут служить следующие фрагменты научного диалога:

(14) М: Там, где речь шла о разного рода интертекстуальных связях и о том, что это нам дает в понимании текстов, в данном случае – текстов Тургенева, там было понятно. А вот классификация душевных и духовных героев, признаться, вызывает большие вопросы. Можете ли вы разделить представителей светской русской литературы: кто из них специализировался на героях душевных, кто – на героях духовных?

А: Что значит «специализировался»? Светская литература – она по определению описывает внешнего человека. Она же не может описывать исключительно духовный опыт. В этом – ее известная ограниченность. В математике есть область значений и область определения, так вот это – область определения. Я никакими классификациями заниматься не буду и на этот вопрос, поставленный в такой, немного комичной форме, отвечать не стану.

В данном случае раздражение отвечающего вызвал некорректный, с его точки зрения, вопрос, чем обусловлено использование комбинации МКХ «критика вопроса» + «отказ от ответа».

Ср. также контекст несколько иного типа, где серию МКХ порождает некооперативное поведение одного из участников научной полемики, который – не вполне успешно – пытается замаскировать пространное высказывание своей точки зрения под вопрос, что вызывает имплицитный негативнооценочный комментарий медиатора:

(15) М: Не совсем понятен, к сожалению, вопрос. Или вам понятен?

А: Нет, я, к сожалению, тоже не понял.

М: Несомненно, люди обычно стремятся распространять свои представления. Но в чем ваш вопрос?

4. Коммуникативная роль участника диалога.

Комбинированное использование МКХ возможно во всех трех субъектных субдискурсах научного диалога, т.е. в субдискурсах аргументатора (отвечающего), оппонента (спрашивающего) и медиатора. При этом различия названных коммуникативных ролей обуславливают некоторые содержательные различия в используемых комбинациях МКХ. Так, для субдискурсов аргументатора и оппонента наиболее типичными являются комбинации, включающие МКХ «оценка вопроса» (для оппонента в рефлексивном варианте, для аргументатора – в нерефлексивном) (примеры 5–8); для субдискурса медиатора – комбинации с участием МКХ диалогоуправляющего типа, ср.:

М: Я начну с пары своих полувопросов, полусоображений, а потом буду уже чередоваться с присутствующими, –

комбинации с МКХ интерпретирующего типа представлены во всех трех субдискурсах, см. пример 15, где представлены интерпретирующие ходы в субдискурсах аргументатора и медиатора, и аналогичный фрагмент субдискурса оппонента:

(16) *О: Спасибо большое за дополнение. Очень коротко насчет реалистичности. Вы совершенно правильно говорите, что это очень долгий процесс.*

Таким образом, повышение плотности метакоммуникативных комментариев представляет собой любопытный прагматический феномен, обнаруживающий зависимость от целого ряда факторов коммуникативного контекста. По-видимому, одним из важнейших таких факторов является специфика дискурсивной среды, в котором реализуется данный феномен, что мотивирует целесообразность его дальнейшего изучения применительно к различным дискурсивным практикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / В. Р. Абреу-Фамлюк [и др.]; под общ. ред. Е. Г. Задворной. – Минск : МГЛУ, 2017. – 112 с.

2. Бобко, Т. В. Типология и частотность метакоммуникативных комментариев в русско- и белорусскоязычном интернет-общении / Т. В. Бобко // Весті БДПУ. Сер. 1. – 2015. – № 2 – С. 63–67.

3. Задворная, Е. Г. Метакоммуникативные речевые ходы в обыденно-разговорной коммуникации / Е. Г. Задворная // Вестн. МГЛУ. Сер.1, Филология. – 2014. – № 3 (70). – С. 22–30.

4. Леон, О. В. Лингвопрагматические средства коррекции в политическом дискурсе (на материале англо-, немецко- и русскоязычных ток-шоу и интернет-дискуссий) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Леон; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2017. – 226 с.

5. Мечковская, Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 165–185.

6. Михайлова, Н. П. Метакоммуникативные речевые действия в диалоге: прагматика и лексико-грамматические средства выражения : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. П. Михайлова; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 22 с.

7. Сивенкова, М. А. «Критиковать или не критиковать?..»: Об эффективности метакоммуникативных комментариев в политической дискуссии / М. А. Сивенкова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2011. – №4(38). – С. 148–151.

8. Рябцева, Н. К. Интеррогативность научного языка / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 241–258.